

Мишарин А
драматург

3/10-88

Александр
Мишарин:

НАВСЕГДА,

— Александр Николаевич, герои многих ваших пьес — руководящие партийные работники, самой сутью своей призванные быть на переднем крае нашей жизни. Как драматург вы, видимо, немало размышляете о самом характере коммуниста, его движении во времени. И все же каковы, на ваш взгляд, его основополагающие черты?

— Мне хочется начать этот непростой разговор со слов поэта-фронтовика Сергея Наровчатова. «Ты слышал голос товарища: «Умираю. Передай партбилет комиссару». И ты полз к нему под вражеским свинцом, расстигивая левый карман его гимнастерки, и слышал последние толчки сердца, вынимал партбилет и потом передавал его во вздрагивающие руки обычно спокойного комиссара. Но переходил он не только в комиссарские руки, он переходил в твои стихи, в твою память, в твою душу. Пережив однажды такое, мы раз и навсегда определили свою нравственную, литературную, политическую позицию. Привычные слова «Родина», «Ленин», «коммунизм» мы услышали как бы заново, и они вошли в кровь и плоть нашего творчества, как живые кровные понятия...»

Так вот, принадлежность к Коммунистической партии — категория, я бы сказал, героическая и такой должна оставаться не только для фронтового поколения, но и нынешнего — «на века, навсегда, до конца», как сказал другой поэт-фронтовик Александр Межиров. И выражаться это должно во всем: и в высокой политической убежденности в силе коммунистических идей, и в полной невозможности совершить аморальный поступок, проявить несправедливость к честному человеку, остаться равнодушным к чужому горю.

И недаром сегодня люди так часто обращаются в Центральный Комитет нашей партии: люди воспринимают дела и заботы партии, как свои собственные, горячо поддерживают идеи перестройки, гласности, правды, приветствуют возможность освобождения от груза прошлых ошибок. Это естественно. Но меня в этом явлении — обращаться в ЦК — независимо от того, является ли человек коммунистом или нет, волнует и другое, чисто человеческое свойство: рассказать партии откровенно, словно близкому человеку, обо всем, что накопило на душе, что мешает жить, тревожит душу, что повергает в сомнение о торжестве справедливости.

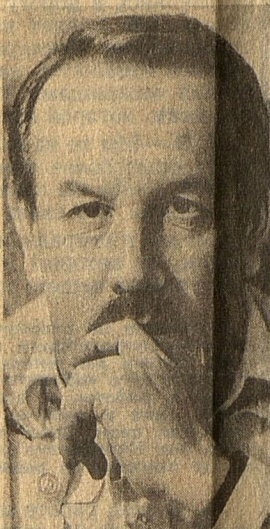
Когда человеку больно, когда он не может добиться справедливости и теряет веру в себя, он тоже обращается в ЦК. И, как правило, его отчаянный крик бывает услышан. Но ведь сколько времени порой упущено, пока пробьется в жизнь полезное изобретение, научное открытие или талантливая пьеса! Сколько человеческих судеб может не состояться, разрушиться надежд только потому, что вопрос, пусть даже сложный, не разрешается вовремя из-за неадекватности нижестоящих органов, их нежелания объективно разобраться и помочь человеку! Разве этому учил основатель нашей партии Владимир Ильич Ленин? Вспомним его внимание к нуждам простого человека.

Да и сегодня! Ведь куда бы ни приехал Михаил Сергеевич Горбачев, какие бы государственные интересы ни привели его на ту или иную стройку, завод, в колхоз, первые его вопросы всегда обращены к простым людям с их жизненными проблемами — как с жильем? с заработками? с устройством малышей в детские сады? — вот что интересует Генерального секретаря ЦК. Да и других руководителей партии и правительства, часто бывающих в различных регионах страны. А на местах? Всегда ли и всех ли это столь живо волнует? И летят письма, депеш, раздаются телефонные звонки в вышестоящие организации...

— Вот вы, очевидно, судя по вашим пьесам, много лет отдали партийной работе и прекрасно знаете...

— Простите, я вас перебею. Дело в том, что я не только никогда не был на партийной работе, я вообще беспартийный. Мне много раз предлагали вступить в партию, но я чувствую себя не готовым к этому гражданскому поступку: слишком трепетно отношусь к этому понятию, считаю, что я лично еще не готов быть коммунистом. Ведь член партии — это не просто человек, который хорошо работает. Чтобы быть достойным этого высокого звания, необходимы какие-то более высокие нравственные обязательства, которые я взять на себя не могу. Но тем не менее считаю себя пропагандистом коммунистических идей, идущим вместе с партией, потому что полностью разделяю ее взгляды, верю в необходимость перестройки общества в духе демократии, гласности, открытого обсуждения назревших проблем.

Драматург Александр Мишарин представляет читателям не надо: его пьесы, посвященные острым проблемам современности, идут на сценах многих театров страны. На Всесоюзном конкурсе на лучшую пьесу «Герой и время», посвященном 70-летию Великого Октября, «Серебряная свадьба» удостоена первой премии.

— Александр Николаевич, передо мной письмо из читательской почты. Его автор Олег Михайлович Чумаченко из Ростова-на-Дону, горный инженер по профессии, пишет: «Не могли бы вы организовать интервью с известным и уважаемым деятелем советской культуры, где бы прозвучал вопрос, волнующий сейчас многих: «Почему в условиях социалистических производственных отношений продолжается наглое шествие духа стяжательства? Случайность это или закономерность? Почему эти отвратительные, живучие качества — воровство, взятки, спекуляция, — овладевшие некоторыми людьми, в том числе и начальниками, вытеснили из их душ все прекрасные человеческие качества — доброту, справедливость, милосердие? Более того, позволяют безнаказанно нарушать советские законы, наносить ущерб государственным интересам, преступать нормы общественной морали?» И далее приникает: «Наш город, Ростов-на-Дону, кстати, очень этим «прославился».

Очень тревожное письмо. Как бы вы, Александр Николаевич, на него ответили?

— Да, действительно, это серьезная проблема. И сейчас она приобретает особенно острое звучание. В самом деле, что такое стяжательство с точки зрения экономической, социальной, эмоциональной? Категория нравственности? Нет, скорее безнравственность. Люди преступают законы социалистической морали, стремясь во что бы то ни стало «переплюнуть» соседа, приобрести то, что недоступно «простому смертному». Недавние времена как бы проложили «межи» между людьми, негласно разделив их на материально благополучных и не благополучных. Подогревалось стремление к «красивой жизни». И дети подобных людей тоже усвоили, что лучше иметь дачу, квартиру, машину, ехать в престижный «папи» санаторий, чем отправиться в студенческий строительный отряд или на сельскохозяйственные работы, чтобы зарабатывать трудовые рубли. Или читать Чехова в скромной однокомнатной квартире (ну, например, такой, как моя). Здесь речь идет о внутреннем моральном кодексе человека, о чувстве самоограничения.

— А как, с вашей точки зрения, вообще обстоит дело с такими категориями, как гражданская совесть, личная честь, элементарная человеческая порядочность, чувство собственного достоинства? Может быть, это — «пережитки прошлого»? Старомодные слова?

— Напрасно вы иронизируете! Сейчас, я уверен, эти святые для каждого поколения категории получают особое звучание. Вот вы говорите — гражданская совесть. В России она вела лучших людей к великим делам, даже если это грозило им эшафотом, каторгой.

Или такое понятие, как личная честь. Разве не она вела к дуэльному барьеру Пушкина и Лермонтова? Разве не на ней воспитывались поколения российской интеллигенции? А что грозило каждому из нас, когда человек — пусть стихийно, случайно или просто метафизически — пытался бы защитить свое достоинство перед малым или большим начальством? Ироническая улыбка? Понижение в должности? Наконец, увольнение? Не более того! Но чаще всего предпочитали молчание и в нравственное единообразие не вступали. С горечью, но надо признаться, что многих из нас клонил долу «священный» трепет перед начальством. А куда же девалась такая житейская «малость», как обыкновенная порядочность? Не подать руки бесчестному, пусть даже влиятельному человеку — скажите, многие ли на это способны?

ДО КОНЦА...

А ведь, казалось бы, само время диктует и позволяет нам быть смелыми, честными, говорить только правду, ничего, кроме правды. Почему же червь зависти еще живет в наших душах? Зависти к чужому успеху, чужому таланту, чужому благополучию? А «баццлла раздора», разъедающая многие коллективы? А наличие враждующих группировок?

Чего в первую очередь потребовала перестройка от министра до рабочего? Казалось бы, самого малого — честного, ответственного, сознательного труда. Но оказалось, что в огромном своем большинстве — и аппарат управления, и конкретный служащий — работать на уровне времени и сегодняшних задач не умеют. Разучились.

— Но разве мало сегодня людей, которые стремятся отдать всю душу, все силы делу перестройки?

— Несомненно, рядом с нами немало людей, работающих на триста-четыре процента своих возможностей. Отнюдь не всем им удается реализовать свой творческий потенциал. Кто-то из великих писателей сказал, что талант есть способность обрести собственную судьбу. И надо помочь каждому человеку полностью самовыразиться, отдать всего себя своему непростому Времени. Иначе наступают апатия, мнимая уравновешенность, стремление к покою, рассуждения типа: «А! И не то было! Переживем!»

Да, мы правильно сделали, что поставили во главу угла решающее в человеческом обществе — труд. Но повторю с огорчением: для многих работа остается еще будничной житейской реальностью. А где же труд как творчество?

— Сейчас много говорят и пишут о так называемых «невостребованных» людях. О том, что вдруг в такой ответственный момент развития нашей страны, как перестройка, появились специалисты — квалифицированные, образованные, интеллигентные, предпочитающие идти в дворники, сторожа, вахтеры и т. д., то есть заниматься неквалифицированным трудом. Чем вы могли бы объяснить столь странное социальное явление?

— Прежде всего, очевидно, тем, что существует перенасыщенность, перепроизводство некоторых категорий работников — в первую очередь людей с высшим гуманитарным образованием. Устроиться на работу таким людям трудно. Если, конечно, нет «руки», которая могла бы «подсадить» человека на какую-то ступеньку. И идут научные работники, искусствоведы и прочие «веды» в сторожа, дворники. Многие же рабочие места заняты совсем не теми людьми, которые могли бы быть там полезными. А с другой стороны, важно и самому осознать, лежит ли душа к выбранной профессии. Недавно прочитал в газете, что мать троих детей, кандидат наук (видимо, науку свою не очень почитающая), устроилась дворником. И детей чаще видит, и в зарплате не потеряла (три участка!). И объективная помощь государству. Труд ее нужен, виден и — как ни странно — созидателен.

— Да, проблемы, конечно, очень острые! Они существуют не только в жизни, но и в искусстве, призванном эту жизнь отражать. Необходима перестройка, и она уже началась, например, в творческих союзах. Но достаточно ли интенсивно она, на ваш взгляд, ведется? И когда можно ждать положительных изменений? Например, в близком вам виде творчества — драматургии — результаты пока что-то не заметны...

— Да, вы правы. Пока можно лишь сказать, что одна в творческих союзах «команда» сменила другую, но суть, к сожалению, еще не очень изменилась. «Отставленная команда» к тому же неизбежно хочет «реабилитации». Отсюда — конфликты, вражда. А ведь это как раз те люди, которые призваны заниматься вопросами нравственности, то есть служить своим творчеством неким противовесом, заслоном против негативных явлений, своеобразным «антибиотиком».

Что касается драматургии, то очень обидно, что и она сейчас как-то замолчала. Ведь этот вид литературы всегда был на переднем крае, всегда драматургия говорила с народом откровенно и талантливо, зачастую опережая время. Вспомним, например, послеоктябрьский период, подаривший нам «Оптимистическую трагедию», «Разлом», «Поэму о топоре». Или всем известные пьесы времен Великой Отечественной войны. Да и позже — произведения таких драматургов, как Володин, Розов, Гельман, Дворецкий, всегда вызвали острую реакцию

общественности. Сейчас действительно какое-то затишье, вы это правильно заметили.

— Зато сейчас многие вынимают из письменных столов, достают с полок то, что было написано, снято в прежние годы...

— Пьесу «в стол» практически писать нельзя, она должна быть сегодняшней, обладать «горячими страницами». Говорят, что Лопе де Вега писал свои пьесы ночью, а утром подсовывал их под двери театра.

— Но время идет, а никто из известных драматургов пока еще не обещает по-новому написанных пьес, отражающих дух времени. Вот вы, например...

— Ну, это не совсем так! В Московском драматическом театре имени Н. В. Гоголя состоялась премьера моей антифашистской пьесы «Наци» (она идет и в театрах периферии). Заканчиваю работу над пьесой «Железная леди» — это раздумья о судьбах людей науки, об ответственности за саму жизнь на земле. Но главная вещь еще впереди. И, думаю, не только у меня. Нужно время, чтобы сделать обобщения. Ведь драматургия — не газета, не телепередача «Прожектор перестройки», а художественный образ Времени. И все же я чувствую общую «духовную пружину» сегодняшнего дня, внутреннюю силу — и в драматургии, и в театре вообще. И примеры этому есть, потому что есть личности.

Взрвавшее спокойное течение съезда ВТО выступление Олега Ефремова, в котором он с государственным и творческим обоснованием потребовал создания нового Союза театральных деятелей. Сколько стоило ему это сил, сердца, терпения, мужества!

Ну, хорошо, Ефремов — давно признанный лидер столичного театра. Опытный боец, крутой характер. Возьмем Валерия Фокина — еще вчера очередного режиссера «Современника» — разве не он на наших глазах превращает Театр имени М. Н. Ермоловой в один из лучших столичных коллективов? Но, кроме этого, бьется за создание целого театрально-культурного комплекса, щедро отдавая сцену молодым коллективам, протыгивая руки навстречу драматургии новой, завтрашней.

А Юрий Еремеев? Его яркие спектакли, такие, как «Палата № 6», «Ленинградцы», украшали сцену Центрального академического театра Советской Армии, а сейчас он удачно начинает свою работу в качестве главного режиссера Московского драматического театра имени А. С. Пушкина.

А такие имена, как Алексей Бородин или Ион Унгуриану?

По-человечески не могу не поразиться какому-то взрыву молодости Виктора Розова. Когда я только мысленно представляю себе, какой груз обязанностей, конфликтов, поездок, выступлений, борьбы взвалил он на свои семидесятилетние плечи, став секретарем правления Союза писателей СССР — я просто диву даюсь! Я бы лично не выдержал, наверное.

Это о личностях. А разве мало говорит о творческом, духовном подтеме создание десятков новых театров, студий, мастерских? А появление новых лидеров-режиссеров, блестящих актерских работ, пусть даже отдельными драгоценными камнями сияющих в не всегда совершенных спектаклях молодых.

Нет! Сдвинулось... Поднялась волна! Только... «сама пойдут»? На это надеяться нельзя, почти преступно. Уже мелькали слова о «застойном периоде перестройки». Вот именно этого мы не должны допустить. Новому, принципиальному шагу, новому всеобщему усилению на пути перестройки послужит XIX Всесоюзная партийная конференция. И, естественно, работа каждого из нас.

— Давайте, Александр Николаевич, вернемся к тому, с чего мы начали наш разговор, — к образу партийного работника на сцене и на экране. И в жизни, конечно.

— Образ громоздкого партийного руководителя сменился или в ближайшее время сменится совершенно иным — тонким, мудрым, честным, интеллигентным. Но главное, чтобы такой герой не только появился, но и стал центральной фигурой самой нашей жизни, чтобы слово «коммунист» было и оставалось для всех нас «на века, навсегда, до конца» олицетворением всего самого лучшего, самого светлого в жизни. Чтобы справедливое определение «народ и партия едины» было не просто лозунгом, а составляло самую суть и основу нашей жизни. Уверен, так оно и будет.

Вела беседу
Валентина ЖЕГИС.
Фото К. Кокоскина.